

МАРИНА МНИШЕХЪ,

КНЯЖНА СЕНДОМИРСКАЯ,

ЖЕНА

ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ,

**ОТНОСЯЩІЙСЯ КО ВРЕМЕНАМЪ
ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА, ДЖЕДИМИТРІЯ,
ЦАРЯ ВАСИЛІЯ ШУЙСКАГО И МЕЖДУЦАРСТВІЯ,**

СЛУЖАЩІЙ ДОПОЛНЕНІЕМЪ РОМАНА:

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Ив. Грбвѣ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Т. ВОЛКОВА И К^о,

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва. Февраля 3-го дня
1857 года.

Ценсоръ Н. Гилляровъ-Платоновъ.

Края небосклона обставлены уже воздушными черными горами; верхи ихъ крутятся дымчатыми полосами; солнца нѣтъ; море шевелится, какъ оживающій мертвецъ подъ бѣлѣющимъ саваномъ, и края покрывала его пѣнистыми бахрамами хлещутся объ утесы, и гулъ бури поетъ въ отдаленіи. Еще минута, и—горе ладѣ, не успѣвшей укрыться въ пристань!

(Краковскій замокъ, былъ.)

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
(312) 937-1234

МАРИНА МУШКЕТЕРЪ.

ГЛАВА I.

НИПРЕКЛОНИМАЯ ГОРДОСТЬ МАРИНЫ. — БУНТЪ ВЪ
ТУШИНѢ. — НЕЗНАКОМЕЦЪ. — ТУШИННО ВЪ ПЕЧАХЪ. —
ГРЕГОРІЙ ВАЛУКЪ ВЕСЕЛЮЕТСЯ СЪ ДРУЗЬЯМИ. —
СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАИЛА СЮРИНА-ШУБСКАГО. —
УЖАСЪ ВЪ МОСКВѢ.

Во дворцѣ Тушинскаго царя, служители, воины Русскіе и Ляхи бѣжали, суетились и не знали, что предпринять имъ безъ главы ихъ; вѣрили уже несомнѣнно, что онъ живъ, но не знали, что будетъ теперь съ нимъ. Одна Марина пребывала спокойною. Едва только Гетманъ успѣлъ нѣсколько успокоить

буйныя толпы мятежниковъ, какъ Стадницкій, дядя Марины пришелъ къ ней, и убѣждалъ ее, оставивъ Самозванца. прибѣгнуть къ покровительству короля Сигизмунда, но Марина решительно отказалась и съ обыкновенною своею твердостью старалась защитить права свои.

— И такъ, Марина, вы, дочь вельможнаго пана Польши, воеводы Сендомирскаго, не хотите воздать должнаго королю вашему? сказать Стадницкій.

— Моему королю? Пане Стадницкій! вы вѣрно забыли, что кому Богъ единомужды даетъ величье, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками (1)?

— Но вспомните, въ какомъ вы положеніи.

— Знаю; не имѣю нужды вспоминать о семъ, потому что всѣ ревностные защитники правъ моего мужа, служившіе ему изъ жалаванья и облагодѣтельствованные имъ, и да-

же сами вы, берете на себя трудъ напоминать мнѣ объ этомъ вашими поступками.

— Что дѣлать, панна Марина, если перемѣнились обстоятельства! Если бы не Шуйскій, вы бы царствовали еще и до сихъ поръ.

— Прекрасно! и такъ если бы не Шуйскій, то и вы не унижались бы такъ передъ Самозванцемъ?

— Передъ какимъ Самозванцемъ? спросилъ Стадницкій въ чрезвычайномъ смущеніи.

— Не знаю! но крайней мѣрѣ я слышала, такъ Поляки называютъ моего мужа, такъ Поляки называютъ того, кому вы сами нѣкогда служили и къ кому, кажется, присланы вы отъ короля посломъ.

— Я, панна Марина, присланъ посломъ отнюдь не къ царю, но къ конфедератамъ, для обращенія ихъ на истинной путь чести, и къ вамъ, княжна, съ предложеніемъ самымъ почтительнымъ.

— Я имѣла уже честь слышать предложеніе это и—повторяю мой отвѣтъ:—Марина, коронованная царица Московская, не мо-

быть подданною короля Польскаго. Меня оставило счастье, но не лишило права владѣть землею, утвержденнаго моимъ царскимъ повелѣніемъ и двукратною присягою Россіянъ.

— Король не принуждаетъ васъ быть подданною Польши, и предоставляетъ вамъ выборъ: вы можете остаться въ Россіи въ подданствѣ Владислава и получить значительное вознагражденіе за ваши потери.

— Владиславъ? А кто избиралъ его на царство? — Этотъ король и вы, то вы не имѣли права на эту землю, которой еще не завоевали.

— Владислава избрали сами Россіане.

— Скажите лучше, — вы, черезъ боярина Михайлу Салтыкова и князя Рубца Мосальскаго съ ихъ клевретами; они, нарушивъ уже три присяги, не постыдились нарушить четвертую и предать вамъ свое отечество.

— Княжна! вы сами, кажется, не очень благодарны къ вашему отечеству: — вы видите, что Польша имѣетъ случай возвеличиться,

умножить славу свою, могущество, и —
 тивитесь ей успѣху.

— Я сказала уже вамъ, пане Стадницкій: доколѣ я была въ Самборѣ, дотолѣ Польша была моимъ отечествомъ, и я почитала долгомъ моимъ дѣлать для него, что могла, и сдѣлала болѣе, нежели можно было требовать отъ женщины; теперь я Русская, и Польша перестала быть моимъ отечествомъ.

— Княжна, вы забываете, что Сигизмундъ и войска его въ Россіи, и что вы...

— Прошу васъ не договаривайте и оставьте меня или ошибаться, или знать, что я еще царица.

Марина встала съ своего мѣста; Стадницкій также поднялся съ креселъ, и стоялъ передъ нею въ почтительномъ положеніи,

— Гдѣ теперь мужъ мой? спросила Марина дядю своего съ гордостію.

— Вамъ это должно быть лучше моего извѣстно, отвѣчалъ Стадницкій. — Рожняскій объявилъ намъ только побѣгъ его, а мѣсто пребыванія остается неизвѣстнымъ.

— Если не знаете вы, то по крайней мѣрѣ я должна знать это. Простите, пане Стадницкій, и скажите вашему королю отвѣтъ мой.

Марина удалилась. Стадницкій, возвратясь къ Рожинскому, старался о скорѣйшемъ соединеніи конфедератовъ съ войсками Польскими и успѣлъ только въ половину.

Русскіе измѣнники отправили изъ Тушина пословъ къ королю для переговоровъ и утвержденія сына его Владислава на престолѣ Московскомъ, но конфедераты еще противились королевскому повелѣнію и, какъ бы особая какая держава, начали переговоры, требуя для Марины Новгорода и Искова, для мужа ея особенное какое-нибудь княжество, а для себя денегъ. Король обѣщалъ, но медлилъ исполненіемъ, и доселѣ страшный Тушинскій станъ началъ представлять разномыслящее скопище злодѣевъ, утратившее свою силу.

Между тѣмъ Самозванецъ, открывшій дѣйствія свои въ Калугѣ съ довольномъ успѣхомъ, присылалъ въ Тушино свои грамоты, призывая къ себѣ своихъ вѣрныхъ, и об-

надеживая ихъ новыми милостями. Бродяги, грабители волновались, но не могли еще дѣйствовать открыто противъ Поляковъ, управляемыхъ неустрашимымъ Рожинскимъ. Въ сію критическую минуту, среди стана Тушинскаго, явилась сама Марина. Блѣдное лице ея изображало глубокую горечь, волосы были растрепаны, слезы текли ручьями. Съ сильнымъ чувствомъ умоляла она воиновъ не оставлять мужа ея, которому они доселѣ столь вѣрно служили, и который вознаградить подарками труды ихъ; убѣждала Россіянъ не обольщаться королевскою милостію, краснорѣчиво доказывая ненадежность оной; заклинала всѣхъ не измѣнять присягѣ и гласно объявляла тайныя намеренія короля—овладѣть Россіею и ввести въ оной католическую вѣру. Такъ говорила Марина, переходя изъ ставки въ ставку, отъ толпы къ толпѣ, и вездѣ находила готовыхъ исполнить желаніе ея и умереть за цзя Дмитрія Іоанновича.

«Къ гетману! къ гетману! кричали со всѣхъ сторонъ толпившіеся около Марины

войны;—насъ обманули, разлучили съ батюшкою царемъ нашимъ! пойдѣмъ къ гетману, потребуемъ отъ него Дмитрія Іоанновича. Не хотимъ, не хотимъ Польскаго владычества, не хотимъ!»

Къ шумнымъ толпамъ Россіянъ присоединились и Ляхи; весь станъ пришелъ въ движеніе. Въ сію самую минуту, когда Марина могла бы сама вести взбунтовавшихся на Поляковъ и Гетмана, высокій молодой мужчина протѣснился къ ней сквозь толпу воиновъ, сказалъ ей что-то и почти силою увлекъ съ собою изъ стана. Буйныя толпы бросились за нею, но незнакомецъ уже успѣлъ посадить ее въ сани и ускакать во дворецъ царика.

18-тъ мѣсяцевъ село Тушино кипѣло многолюдствомъ, величалось именемъ царства и боролось съ Москвою. Но ударилъ часъ его, и въ февралѣ мѣсяцѣ 1610 года, гетманъ, тѣсный княземъ Михаиломъ Скопинымъ, превратилъ его въ пепелъ, а самъ присоеди-

нился къ королю Сигизмунду (3). 16-ть мѣ-
сяцевъ, знаменитая святостію и событіями
историческими Троице-Сергіевская лавра, бу-
дучи въ тѣсномъ облежаніи, преодолевала всѣ
усилія непріятеля многочисленнаго; защитники
ея переносили нужду, язву, обратили башни
оной, стѣны, холмы и всю окрестность въ
безсмертные памятники своего мужества, тер-
пѣнія и великодушія; наконецъ 12-го января
1610 года лавра увидѣла себя освобожден-
ною (4): дерзкій *Сапга* съ 6000 своихъ
сподвижниковъ отступилъ къ Дмитрову, и подъ
стѣнами онаго претерпѣвъ сильное пораже-
ніе отъ Русскихъ, предводимыхъ княземъ
Иваномъ Куракинымъ, бѣжалъ день и ночь
къ границѣ Калужской и сталъ на берегу
рѣки Угры, въ намѣреніи присоединиться
къ королю или Дзедимитрію, смотря по об-
стоятельствамъ (5). Москва, бывшая еще не-
давно столицею безъ государства, говоритъ
исторія, снова возвысила поникшую главу
свою и съ радостію встрѣчала избавителя
своего, юнаго князя Михаила Васильевича Ско-

пина-Шуйскаго, героя юнаго, но знаменитаго.

Въ началѣ сего-то достопамятнаго года, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Скопинымъ и другими, отличался въ славныхъ подвигахъ спасенія отечества и *Григорій Семеновичъ Валуевъ*: дѣйствуя 500-ми ратниковъ, онъ пробился сквозь воинскія дружины Сапѣги, проникнулъ въ лавру и, подкрѣпивъ себя дружиною *Жеребцова*, одержалъ значительную побѣду надъ Ляхами; потомъ преслѣдуя гетмана Рожинскаго, разбилъ въ полѣ сего искуснаго полководца, и освободилъ изъ плѣна знаменитаго Филарета (6), митрополита Ростовскаго.

Григорій Семеновичъ, искренній другъ Осмульскаго, не могъ забыть своего слова, даннаго некогда сему благородному юношѣ, и уважая память его, былъ душевно преданъ пользамъ Марины; онъ зналъ подробно все касающееся до нея, зналъ, что смерть Осмульскаго произвела ужасную перемѣну въ ея характеръ, что мщеніе сдѣлалось одною изъ главныхъ страстей ея, что часть Ляховъ и изъ

мѣнники Русскіе готовятъ содѣлать ее новымъ орудіемъ своихъ замысловъ, а вся Польша и самъ король, видя въ ней одну изъ преповъ, могущихъ, по мнѣнію ихъ, если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ замедлить предположенное ими завоеваніе Россіи, готовили ей гибель. Валуевъ зналъ все это, и рѣшился спасти Марину отъ будущихъ укоровъ собственной совѣсти и опасностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и лишить злоумышленниковъ отечества, одного изъ важнѣйшихъ орудій ихъ крамолъ и ухищреній.

— Итакъ, цане Уминскій, ты поспѣлъ въ самую пору, сказалъ Григорій Семеновичъ, спокойно сидя въ Московскомъ своемъ домѣ съ некоторыми изъ преданныхъ и вѣрныхъ друзей его, за большимъ дубовымъ столомъ, на которомъ стояла братина крѣпкаго меда и нѣсколько серебряныхъ кубковъ.

— Слава Богу, Григорій Семеновичъ, въ самую пору. Только что пріѣхалъ я изъ Калуги въ Тушино, какъ тотчасъ услышалъ о волненіи стана; бѣгу къ квартирѣ Гетмана,—